УДК 321

*Бойко С.И.*

## Парадоксы концепта «нация» в дискурсе российской «партии власти»

*Статья посвящена анализу концепта «нации», а также ряда смежных с ним концептов, в программных документах «партии власти» как феномена «русской власти» в постсоветской России.*

*Ключевые слова: народ, нация, национальность, многонациональное государство, многонациональный народ, партия власти, русская власть.*

**Парадоксы коллективного имени: «*многонациональный* народ» или «*многонародная* нация»?**

Смена политической парадигмы в нашей стране повлекла за собой и существенные изменения в сфере политического языка. Термин «советский народ», записанный в конституции СССР, исчез вместе с этой страной. В ст. 3 действующей Конституции Российской Федерации записано, что «единственным источником власти в Российской Федерации является её *многонациональный народ*». «Многонациональный народ» – это новый термин, в советской конституции его нет. Правда, данный термин вызывает ассоциации с выражением «многонациональное государство», которое дважды упоминается в советской конституции 1977 года. Представить себе составленное из нескольких наций (национальностей) государство нетрудно, но что значит народ, составленный из разных наций (национальностей)? Правда, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятой Указом Президента от 19.12.2012, один раз встречается и термин «многонациональное российское государство», но гораздо чаще употребляется выражение «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» [1].

В этом документе бросается в глаза отождествление национального с этническим. Соответственно, говорится о «многообразии национального (этнического) состава» населения России, о «гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений» и т.д. Добавим к этому, что в *проекте* указанной «Стратегии ...», представленном соответствующей рабочей группой до его общественного обсуждения, даются определения базисных концептов национальной политики. В частности, «российская нация», она же «многонациональный народ Российской Федерации», определяется здесь как «сообщество граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством (согражданство)» [2].

Заметим, что в определении «российской нации» упор делается исключительно на *гражданскую* общность, о *цивилизационной* общности в самой дефиниции речь не идет. Правда, далее по тексту встречается и этот термин, причем в одном примечательном месте: «Цивилизационная идентичность России и российской нации как гражданской общности, основана на сохранении русской культурной доминанты, носителями которой являются все народы Российской Федерации, сформированной не только этническими русскими, но и вобравшей в себя культуру всех народов России» [2]. Это место вызывает много вопросов: как *гражданская* общность может иметь *цивилизационную* идентичность? Как носителями *русской* культурной доминанты могут быть *все народы* России, не теряя при этом свою *нерусскую идентичность?*

В итоговом варианте «Стратегии ...» этого места нет, однако понимание сути российской нации от этого не становится менее многозначным. Теперь в трактовке «многонационального народа Российской Федерации» акцент делается на «единый культурный (цивилизационный) код». Хотя и здесь речь идет о «формировании российской гражданской идентичности», последняя, однако, уже не может конкурировать с цивилизационной природой «российской нации» и сводится по сути к «общероссийскому гражданскому сознанию» как попутному эффекту главного (цивилизационного) признака «многонационального российского народа».

В проекте «Стратегии ...» есть ещё одно характерное место, где речь идет о русском народе, исторически ставшим «системообразующим ядром» России как «*многонародной* российской нации» [2]. Неологизм «многонародная нация» явно сигнализирует о стремлении местных этнических элит повысить свой чисто «этнический» статус до статуса «народа», который ведь можно трактовать и как нацию. Но выражение «многонациональная нация» звучит совсем уж парадоксально, хотя и его можно встретить в выступлениях руководителей страны [3].

Заметим, что термин «многонациональный народ» может употребляться двояким образом: и как синоним народности, этноса, и как синоним «нации». Здесь имеет место второй случай, причем речь идет именно о *государственной*, а не этнической нации. Последнюю составляет население, проживающее на данной государственной территории и образующее культурно-политическую общность. Отметим смысл другой части этого выражения: «многонациональный». Это слово образовано не от «нации», а от «национальности», и фактически выступает синонимом термина «полиэтнический».

Однако со словом «многонациональный», как и с другими двусмысленными терминами вроде «народа», «родины», «отечества» и т.п., связано немало политических манипуляций.

На лукавую двусмысленность термина «национальность» указывал в свое время Ф. Энгельс. В одной из своих работ он обвиняет Луи Наполеона Бонапарта в использовании «принципа национальностей» в своей экспансионистской внешней политике. «Принцип национальностей», по словам Энгельса, не проясняет, а лишь запутывает «великий вопрос о праве на национальное существование исторических народов Европы» [4, с. 161]. Запутывает, потому что термин «национальность» смешивает в себе культурно-этнические и национально-политические характеристики сообществ. Данное смешение давало возможность политическим авантюристам вроде Наполеона III подменять право *наций* на самоопределение правом на самоопределение *национальностей*, которые, будучи де-факто народностями (этносами), таким правом не обладают. Но приписывая им такое право, великодержавный агрессор получал мнимую легитимность аннексии чужой территории.

Как бы то ни было, выражение «многонациональный народ России» неизменно воспроизводится в программах политических партий. Как это объяснить? Может быть, этот концепт жестко связан с какой-то более солидной идеологической конструкцией?

**Парадоксы коллективного бытия: «многонациональный *народ*» или «многонациональное *государство*»?**

Любопытно, что в программах политических партий постсоветской России концепт «многонационального народа» как бы конкурировал с выражением «многонационального государства».

В Программе избирательного объединения «Выбор России», которая была принята на Учредительном съезде этого объединения в октябре 1993 года, представлен двойственный концепт «российской нации» (этот термин употребляется в Программе). С одной стороны, подчеркивается, что нацию следует понимать «не как этническую общность, а как суверенное демократическое объединение граждан». С другой стороны, российская нация

определяется как «уникальный сплав и взаимообогащение культур, укладов, традиций, опыта равноправных народов, составляющих ее» [5, с. 5]. Но при всей этой двойственности, смешивающей гражданское и этническое понимание нации, акцент в Программе делается на принципе гражданской свободы, а не этничности: «Только соединение национальной идеи с идеей демократии, строительство сильного многонационального демократического государства способно сплотить россиян, заложить основы для формирования здорового, просвещенного патриотизма» [5, с. 5].

Сходное понимание нации имело место и у «ПРЕС» Шахрая – еще одной (помимо «Выбора России») партии, которая представляла тогдашнюю исполнительную власть и финансировалась через Газпром и крупные банки.

В отличие от упомянутых партий программа следующей версии партии власти – Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия», обнаруживает заметное охлаждение интереса к национальному вопросу. Выполненная в пафосном стиле эпохи «развитого социализма», эта программа обещает «крепить Федерацию в интересах всего *многонационального народа России*». Драматичная реальность национального вопроса периода 1995 года выражена в программе лишь скупой фразой с обещанием «добиваться установления гражданского мира, прекращения этнических конфликтов и достижения межнационального согласия» [6].

Гораздо более реалистично национальную тему трактовала весьма солидная (по объему и концептуальной проработке) программа Общероссийской политической общественной организации «Отечество» под руководством Ю.М. Лужкова. Эта программа четко заявляла, что национальное единство относится к нерешенным проблемам национального развития. Помимо термина «многонациональный народ Российской Федерации», в программе употреблялись выражения «многонациональное государство» и «российская многонациональность в условиях единого государства как уникальное порождение мировой цивилизации» [7].

В Предвыборной программе партии «Единая Россия», с которой она вышла на президентские выборы 2012 г., появляется целый раздел под названием «Развитие России как уникальной цивилизации» – в известном смысле аналог упомянутого выше раздела из программы «Выбора России» 1993 г. Сопоставление этих разделов хорошо показывает, какую заметную эволюцию вправо проделала властвующая российская элита в национальном вопросе. В указанном разделе программы «Единой России» воспроизводится концепт «многонационального российского народа», но он толкуется в традиционалистском ключе как «уникальная цивилизация». Впрочем, не забывая и о либеральном крыле партии, программа ритуально упоминает в конце этого раздела «общероссийскую гражданскую идентичность» [8].

Положения программы «Единой России» по вопросам национальной политики воспроизводят ключевые тезисы статьи В. Путина «Россия: национальный вопрос». Россия для Путина – это не этническое, а «многонациональное государство» или «многонациональное общество». Это общество – не просто нация, а «уникальная цивилизация» как продукт «взаимного проникновения, смешивания народов» вокруг русского народа и его культуры [9]. По сути, статья Путина есть попытка наполнить концептуальным содержанием клишеобразное выражение «многонациональный народ России».

Таким образом, в программах политических партий постсоветской России концепт «многонационального народа» конкурировал с выражением «многонациональное государство». Эти выражения можно считать маркерами определенных концепций нации. В случае «многонационального государства» речь идет о гражданской нации, а в случае «многонационального народа» – о нации государственной или, лучше сказать, «державной».

Державная нация есть только наполовину реальность; на другую половину – это идеологический фантом того, что Х. Сетон-Уотсон и Б. Андерсон удачно назвали феноменом «официального национализма». В числе «официальных национализмов» царистская политика русификации является самым известным, но отнюдь не единственным примером.

Аналогичную политику проводили и другие монаршие дома Европы –Ганноверы, Гогенцоллерны и пр. Эти династии стремились удержать свою власть над огромными полиэтническими империями, используя официальный национализм как «средство натягивания маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи» [10, с. 108].

Современные политические элиты России наследуют традиции русской бюрократии. Этот тезис нашел развернутое обоснование в концепции «русской власти». В рамках этой концепции «речь идет о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие» [11, с. 8]. Типичным проявлением системы «русской власти» является феномен, получивший в отечественной публицистике и политологии название «партия власти».

**Парадоксы «партии власти»: партия *правящая* или *управляемая*?**

Под партией власти, мы, вслед за А. Кыневым, понимаем партию, которая создается «по инициативе и под патронажем правящей политической элиты (в России ее представляют администрация президента и правительство) в качестве главного выразителя ее интересов в сфере публичной политики» [12].

Однако «партия власти» не является историческим изобретением Администрации президента в постсоветской России. По словам академика Ю.С. Пивоварова, «в начале XX столетия в России родились два проекта политических партий. Причем они были взаимоисключающими. О первом из них, ленинском, мы вполне осведомлены. ...Что касается второго, то до самого последнего времени мы ничего о нем не знали. Не знали до тех пор, пока современный исследователь И. Глебова не обнаружила в архивах письмо Д. Трепова Николаю II (сентябрь 1905 г.). Сподвижник последнего императора предлагал создать в Думе и по всей России "партию власти". Включить в нее начальников всех государственных уровней, взять под контроль прессу, подтянуть к этой партии солидные финансы и т.п.» [13, с. 23].

Проект Д. Трепова с предложением к последнему императору о создании партии власти был воплощён в «новой, демократической России». Действительно, к 1993 г. имперские традиции «русской системы» довлели не только над КПРФ как партией-преемницей КПСС, но и над значительной частью «демократов», многие из которых были вчерашними коммунистами-карьеристами. Эти традиции исключали принятие «демократии как системы, при которой партии проигрывают выборы» [14, с. 28]. Если властвующая группа не намерена отдавать власть *ни при каких* обстоятельствах, тогда в стране может функционировать только система *имитационной партийности*, когда борьба партий в ходе выборов не имеет отношения к реальному обладанию властью.

Традиция русской власти дала о себе знать, когда выяснилось, что в открытой и относительно честной борьбе на электоральном поле политические партии, претендующие на роль партий власти («Выбор России», «Наш дом Россия»), имеют немного шансов завоевать большинство голосов. Администрации президента пришлось прилагать немалые усилия, чтобы усилить проправительственные фракции Думы первого созыва за счет депутатов-одномандатников.

Позднее эти партийные проекты были заброшены, и на смену им пришла «Единая Россия». Становление этой партии шло под знаком «вертикали власти» и «управляемой демократии». При этом партия власти, даже став партией парламентского большинства, осталась политически безвластной по отношению к президентской Администрации. Еще раз подтвердилась тенденция, проявившаяся в процессе управления правящей элитой «партиями власти» в течение всех электоральных циклов постсоветской России. «Как только “партия власти” начинает набирать политический вес, а ее лидеры становятся более-менее самостоятельными политическими фигурами, правящая элита немедленно принимает меры к их

ослаблению и, в конечном итоге – удалению с политического небосклона. Эта тенденция связана, с одной стороны, с отражением противоречий и изменений в расстановке сил внутри властвующей элиты, с другой – четко обозначенными границами той роли, которую должны выполнять "партии власти"» [15].

Концепт «партии власти» следует отличать не только от концепта «правящей партии», но и от понятия «доминантной партии» в смысле Индийского национального конгресса или Либерально-демократической партии Японии. Доминантные партии – суть партии в собственном смысле слова, так как они выполняют, как минимум, три важнейших политических функции, которые не ведомы российской «партии власти». Доминантная партия выступает: во-первых, как один из главных центров принятия политических решений; во-вторых, как место согласования интересов между различными группами как властной элиты, так и гражданского населения; в-третьих, как субъект национальной модернизации.

В этой связи стоит согласиться с выводом о том, что «партия власти» является не политической партией в строгом смысле слова, но «всероссийской коалицией бюрократии» [16]. Подобно тому как «высший офицер руководит из бюро битвами» [17, с. 126], так и российский чиновник руководит из бюро созданием коллективной идентичности. Поэтому и возникают парадоксы концепта «нация» в дискурсе партии власти.

Литература

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: http://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 29.06.2013)

2. Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» // Azerros. Информационно-аналитический портал. (29 октября 2012 г.). URL:http://azerros.ru/information/6806-proekt-strategii-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossiyskoy-federacii.html (дата обращения: 29.06.13)

3. Путин В.В. Разный подход к изучению истории нарушит пространство «нашей многонациональной нации» // Национальный акцент. Медиа-проект гильдии межэтнической журналистики (29.03.2013). URL: http://nazaccent.ru/content/7298-putin-vystupil-za-kanonicheskij-podhod-k.html(дата обращения: 29.08.2013).

4. Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.е. М.: Гос. изд.-во пол. лит-ры, 1960. Т. 16. С. 156-166.

5. Избирательное объединение «Выбор России». Программа. М.: Нисса, 1993.

6. Предвыборная платформа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия». М., 1995. URL: http://www.permgani.ru/politads/files/1278.pdf (дата обращения: 17.06.2013)

7. Общероссийская политическая общественная организация «ОТЕЧЕСТВО». Официальный сайт. URL: http://web.archive.org/web/20010228063631/http://www.otech.ru/docs/part1.html (дата обращения: 19.06.2013).

8. Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Российская Газета. 8 февраля 2012. URL: http://www.rg.ru/2008/02/02/edinros.html (дата обращения: 19.06.2013).

9. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая Газета. 23 января 2012 г. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 11.07.2013).

10. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении. М.: КАНОН-Пресс, Кучково поле, 2001.

11. Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Политические исследования. 2007. № 3. С. 8-23.

12. Кынев А. «Партия власти» как партия // Неприкосновенный запас. 2013. №1(87). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/k6.html(дата обращения: 18.08.2013).

13. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Политические исследования. 2006. № 1. С. 12-32.

14. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

15. Устименко С.В. «Партия власти» в современной России: ретроспектива и перспектива // Библиотека РАПН. URL: http://rapn.ru/library.php?d=338&n=35&p=8(дата обращения: 14.07.2013).

16. Межуев Б., Черняев А., Куркин Н. Политическая гегемония большинства // Русский журнал (21.01.2010). URL: www.russ.ru/pole/Politicheskaya-gegemoniya-bol-shinstva (дата обращения: 19.08.2013)

17. Вебер М. Политические работы. М: Праксис, 2003.

УДК 323.28

*Ахмедова К.Б.*

## Политический контекст манипулирования религиозной идентичностью террористическими группами

*В статье изучается проблема манипулирования религиозной идентичностью террористическими группами с целью привлечения большего числа сторонников и достижения своих политических целей. Исследователи согласны с тем, что политический экстремизм и терроризм на современном этапе приобретают религиозный характер. Важность идеологического компонента в мерах по противодействию терроризму подчеркивается и в ряде законодательных актов, принятых в Российской Федерации. Используя данные эмпирического исследования 117 террористических групп в Ираке, Афганистане и на Северном Кавказе, автор дает анализ основных механизмов манипулирования религиозной идентичностью террористами для достижения политических целей.*

*Ключевые слова: религиозная идентичность, манипулирование, терроризм, противодействие терроризму.*

Политический экстремизм на современном этапе приобретает религиозный характер, свидетельством чему является нарастающее использование религии в идеологиях террористических организаций и групп. Экспансия экстремистских идеологий, использующих ислам, на Северный Кавказ в конце XX – начале XXI веков привела к необходимости разработки и усовершенствования мер по идеологической борьбе с экстремизмом и терроризмом. В связи с этим особо актуальным стало исследование религиозного фактора в политическом контексте противодействия терроризму.

Большое значение идеологическому компоненту придается в мерах по противодействию терроризму в ряде законодательных актов таких, как Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года, «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 5 октября 2009 года», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и других. В данных документах среди основных направлений по предупреждению терроризма выделяется создание системы противодействия идеологии терроризма [1; 2].

Несмотря на многочисленные исследования данной проблемы в смежных науках, ни религиоведение, ни политические науки до сих пор не предложили исчерпывающего объяснения религиозного фактора в политическом контексте терроризма и мерах по противодействию терроризму в силу противоречивости получаемых результатов и предлагаемых